

Самарцева М. В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются существующие концепции искусственного интеллекта, исследуется понятие искусственного интеллекта (ИИ), рассматриваются вопросы его правового регулирования в контексте современных российских и международных подходов. Кроме того дан анализ ключевых аспектов развития искусственного интеллекта, включая его классификацию на «слабый» и «сильный» искусственный интеллект, а также правовые и технические различия между этими явлениями.

Автор акцентирует внимание на необходимости четкого разграничения понятий «ИИ» и «робот», подчеркивая, что искусственный интеллект представляет собой программный комплекс, тогда как робот может быть киберфизической системой, интегрирующей искусственный интеллект. Кроме того, в статье автор предлагает квалифицировать программно-аппаратный комплекс в качестве разновидности программного комплекса, допускающей как авторско-правовую, так и патентно-правовую охрану, а также, в целях уточнения содержания понятия «слабый ИИ», которое следует рассматривать в качестве синонима понятия «технологии ИИ», предлагает определение понятия «слабый искусственный интеллект» и его включение в текст подпункта (б) пункта 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Искусственный интеллект (ИИ); Понятие искусственного интеллекта; Юридическая сущность искусственного интеллекта; Слабый искусственный интеллект; Сильный искусственный интеллект; Программно-аппаратный комплекс; Аппаратно-программный комплекс; Технологии искусственного интеллекта; Киберфизические системы (CPS); Юридическая правосубъектность искусственного интеллекта; Узкий искусственный интеллект; Общий искусственный интеллект.

Для цитирования: Самарцева Н. В. Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии // Проблемы права. 2025. Т. 2 (98). С. 43–57.

Samartseva M. V.

DEFINITION OF THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE PRESENT STAGE OF TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Abstract. The article analyses the existing concepts of artificial intelligence, investigates the concept of artificial intelligence (AI), considers the issues of its legal regulation in the context of modern Russian and international approaches. In addition, the article analyses the key aspects of artificial intelligence development, including its classification into 'weak' and 'strong' artificial intelligence, as well as legal and technical differences between these phenomena.

The author focuses on the need for a clear distinction between the concepts of 'AI' and 'robot', emphasising that artificial intelligence is a software complex, whereas a robot can be a cyber-physical system integrating artificial intelligence. In addition, in the article the author proposes to qualify a hardware-software complex as a kind of software complex, allowing both copyright and patent legal protection, and, in order to clarify the content of the concept of

'weak AI', which should be considered as a synonym of the concept of 'AI technologies', proposes a definition of the concept of 'weak artificial intelligence' and its inclusion in the text of subparagraph (b) of paragraph 5 of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence.

Keywords: Artificial Intelligence (AI); Concept of Artificial Intelligence; Legal essence of Artificial Intelligence; Weak Artificial Intelligence; Strong Artificial Intelligence; Hardware and Software Complex; Hardware and Software Complex; Artificial Intelligence Technologies; Cyber-Physical Systems (CPS); Legal personality of Artificial Intelligence; Narrow Artificial Intelligence; General Artificial Intelligence.

Пронзительное и стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в общественные отношения, взрывное расширения сфер использования ИИ и его внедрение практически по все сферы жизнедеятельности общества по всему миру подводят к потребности в исследовании феномена ИИ в правовом контексте. Во многом текущие представления об ИИ формируются громкими заголовками новостей, которые чаще всего отличаются от реального положения вещей в сторону преувеличения или просто искажают реальные факты.

Так, для начала хотелось бы разобраться, что такое ИИ с точки зрения как технологий, так и с правовой.

В России, как и во многих других государствах, проявилась значительная востребованность и интерес к ИИ в обществе, а возникающие в связи с этим вопросы повлекли разработку ряда стратегических документов, определяющих направление правового регулирования, основное место среди которых занимают:

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ (далее — «Национальная стратегия развития ИИ»);

2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта² (от 26 октября 2021 г.) — система рекомендательных принципов и правил, предназначенных для создания среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта в России, к которому

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. N 490 (ред. от 15.02.2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ». 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.). URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 31.03.2025 г.).

присоединились и выразили свою приверженность принципам этики ИИ более 900 организаций на дату 6 апреля 2025 года, включая таких ИТ-гигантов России, как Сбер, Яндекс, VK, МТС, Ростелеком и других крупных организаций в самых различных областях (далее — «Кодекс этики ИИ»);

3. Акты, устанавливающие экспериментальные режимы, в числе которых, в частности, Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»³ (далее — «Закон о проведении эксперимента для внедрения ИИ»).

Более того, в настоящее время разрабатывается проект федерального закона об ИИ, что актуализирует потребность в анализе юридической сущности ИИ и необходимость выработки соответствующего правового режима.

Анализ отечественных и зарубежных юридических публикаций показал, что ранее имела место тенденция к приданию ИИ статуса самостоятельного субъекта права с наделением его (специальной) правосубъектностью. Начиная с 80 гг. прошлого века [33] и до настоящего времени сформировалось множество различного рода правовых концепций, существенно различающихся между собой. Одной из первых работ в этом направлении признается ра-

³ Федеральный закон от 24.04.2020 г. 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ». 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

бота: Marshall, W.S. «Artificial intelligence: Some legal approaches and implications» 1983 г., посвященная проблеме определения статуса «лица» для интеллектуальных машин, этических и социополитических последствий развития ИИ.

Так, в рамках одной из концепций обосновывается допустимость признания за ИИ статуса юридического лица, причем подчеркивается, что ИИ представляет собой «юридическую фикцию, схожую с фикцией юридического лица, в которой искусственный интеллект является постоянно действующим органом» [20, 2]. Другой подход к обоснованию возможности надления ИИ правоспособностью состоит в признании его квазисубъектом права: «Сущность данной концепции состоит в том, что «робота можно определить как «движимое имущество», наделенное ограниченной правосубъектностью» [4. С. 165]. Согласно еще одной позиции для целей признания специальной правосубъектности робота вполне годятся нормы римского права о рабах (неполноценных субъектах): «В ситуации правовой неопределенности из-за появления новых акторов общественных отношений (роботов и роботизированных людей) полезно вновь обратиться к римскому праву, которое предлагает механизмы регулирования отношений с неполноправными субъектами» [20, 23]. Высказывается и прямо противоположное мнение, весьма радикальное, обосновывающее недопустимость применения рабских законов к роботам и взаимодействие с ними только на паритетных началах, что предполагает надление роботов правоспособностью, тождественной или аналогичной физическому лицу [7].

Не углубляясь в исследование обоснования упомянутых выше концептуальных позиций, хочется обратить внимание на очевидный терминологический нюанс — практическое отождествление понятий ИИ и робота.

Разграничение понятий «искусственный интеллект» и «робот»

Анализ юридической литературы показал, что в ранее выходивших публикациях чаще употреблялось слово «робот», который и выступал основным объектом исследования в то время, как в современных публикациях чаще встречается именно термин «искусственный интеллект».

Указанные понятия, очевидно, не идентичны и представляется необходимым их разграничение между собой. Забегая впе-

ред, надо подчеркнуть, что термин «ИИ» употребляется тогда, когда речь идет о программном комплексе — комплексе взаимосвязанных компьютерных программ, объединенных единством задач и функций, который способен автоматически находить способы достижения целей, о чем подробнее будет говориться далее.

В отличие от ИИ, который не требует физической формы, роботы могут быть представлены в формах различного дизайна [31]. То есть термин «робот» применим в тех случаях, когда ИИ получает соответствующую его функциональному предназначению специальную физическую оболочку, становясь киберфизической системой [32] (англ. cyber-physical systems (CPS)), то есть происходит интеграция ИИ как программного комплекса в соответствующую физическую сущность.

Но не всякий робот может уравниваться с ИИ. В связи с чем, в частности, М. А. Рожкова пишет: «Под роботами традиционно понимаются автоматические устройства (создаваемые обычно по принципу живого организма), которые предназначены для осуществления определенных операций, действуют по заложенной программе и получают информацию от датчиков. Но такое определение годится, скорее для первых двух поколений роботов» [18. С. 21]. Автор отмечает, что к первому поколению относятся программные роботы, то есть роботы с программным управлением, которые выполняют четко определенные операции в последовательности, жестко заложенной программой (это прежде всего промышленные роботы, осуществляющие транспортировку, сварку, штамповку, простейшие сборочные операции и т. д.). К роботам второго поколения относят так называемых оживленных роботов, которые также выполняют операции в соответствии с заложенной программой, но в отличие от первых нуждаются в получении информации извне, что и обусловило надление их искусственными «органами чувств»: тактильными, зрительными, звуковыми, кинестетическими и другими сенсорными датчиками. М. А. Рожкова подчеркивает: «Работа роботов второго поколения предполагает использование алгоритмического и программного обеспечения, что позволяет роботам ориентироваться в существующих условиях и автоматически приспособляться (адаптироваться) в случае изменения этих условий (что и объясняет их второе название — адаптивные

роботы), а также обучаться в процессе функционирования» [19].

Особого внимания в целях настоящей работы заслуживают роботы третьего поколения, которых в литературе нередко именуют «интеллектуальными роботами» и предназначение которых состоит не только в осуществлении физических и двигательных функций, но и прежде всего в решении интеллектуальных задач: это роботы-андроиды, космические, игровые, морские, медицинские, бытовые, военные роботы, беспилотные летательные аппараты и автомобили, экзоскелеты и проч. Действия интеллектуальных роботов «определяются и выполняются на основе технологий искусственного интеллекта» [20].

Резюмируя, можно утверждать следующее. Если термин «робот» используется в широком смысле, как например, это имело место в проекте Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, в которой этим термином охватывались «все категории роботов в самом широком их понимании независимо от их назначения, степени опасности, мобильности или автономности, а также киберфизические системы с искусственным интеллектом в любой форме... роботизированные механизмы...»¹, то отождествлять робота с ИИ нет никаких оснований. В тех же случаях, когда роботом третьего поколения управляет информационно-вычислительная система, основанная на сложном программном комплексе ИИ, представляется допустимым использовать понятия «ИИ» и «робот» в качестве взаимозаменяемых аналогов.

Таким образом, далее в настоящем исследовании под термином «робот» будет пониматься по меньшей мере робот третьего поколения, причем в этом смысле данный термин будет употребляться в качестве синонимичного понятию ИИ.

Движение к отождествлению понятий роботов и ИИ довольно четко прослеживалось в инициативе Европейского парламента (2017), который, отметив возрастающую значимость «все более совершенных роботов, ботов андроидов и других проявлений искусственного интеллекта

¹ См. ст. 2 проекта Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте (Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта), разработанной Исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. 2017. (авторы — Андрей Незнамов, Виктор Наумов). С. 4.

(ИИ)», обозначил потребность в создании общепринятого определения робота и ИИ (которое было бы гибким и не препятствовало инновациям), предложил начать разработку нормативных актов, призванных урегулировать создание и использование сложных роботов, а кроме того, выступил с идеей введении нового субъекта права — «электронной личности» (англ. *electronic persons*). Эта инициатива, получив обоснование в докладе Комитета по правовым вопросам с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права о робототехнике (2015/2103(INL)) [27], в итоге нашла воплощение в Резолюции Европейского Парламента от 16.02.2017 относительно норм гражданского права о робототехнике (англ. *Civil Law Rules on Robotics*) [28] (далее — Резолюция о робототехнике).

Важно заметить, что Резолюция о робототехнике не была нацелена на срочное разрешение обозначенных в ней вопросов — она только намечала те направления, которые требуют проработки в долгосрочной перспективе в ключе ожидания того, что ИИ рано или поздно превзойдет человека. Иными словами, в Резолюции о робототехнике было предложено начать разработку нормативных правовых актов, которые могут быть приняты, когда ИИ станет действительно сопоставим с человеческим разумом и сможет рассматриваться в качестве самостоятельной личности.

В Резолюции о робототехнике признавалась вероятность того, что в долгосрочной перспективе ИИ сможет превзойти интеллектуальные способности человека (пункт (P)). При этом в одном из пунктов, посвященном вопросам юридической ответственности, было подтверждено, что современные роботы уже способны выполнять такие действия, которые раньше были типичны и свойственны исключительно человеку (пункт (Z)). Здесь же подчеркивалось, что развитие определенных автономных и когнитивных способностей (как, например, способности учиться на опыте и принимать квазинезависимые решения) сделало роботов более похожими на агентов, которые взаимодействуют со своей средой и способны ее значительно изменить.

Резолюция о робототехнике содержала предложение при оценке воздействия будущего европейского законодательства изучить, проанализировать и рассмотреть последствия наделения самых «продвинутых» интеллектуальных автономных робо-

тов особым правовым статусом — статусом «электронной личности», что сделает их ответственными за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, а также ответственным в тех случаях, когда робот принимал автономное решение или иным образом самостоятельно взаимодействовал с третьими лицами (пункт 59 (f)).

Надо признать, что заложенная в Резолюции о робототехнике идея признания за ИИ статуса субъекта права (статуса «электронной личности») сразу после обнародования документа не получила широкой поддержки. Хотя, как отмечает С. А. Сеницын, еще до принятия названной Резолюции на фоне ожидаемых сверхспособностей роботов, опережающих человеческие, в частности, в германском праве уже звучала идея «пересмотреть привычную для современных правовых систем картину антропоцентризма» [21]. Более того, после обнародования Резолюции имел место случай признания за роботом, управляемым ИИ, правосубъектности: человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии [26]. Однако само это понятие сохранило свое значение и сегодня находит применение при решении юридических вопросов в сфере применения ИИ.

Более того, имевшее место обсуждение свойств и характеристик «электронной личности» явно способствовало проведению четкого разграничения между ИИ будущего (который, как ожидается, будет превосходить интеллектуальные способности человека, но пока не создан) и ИИ настоящего (который, будучи признаваемым передовой технологией, представляет собой программный комплекс, создаваемый для решения конкретных прикладных задач).

Сущностные отличия «слабого ИИ» и «сильного ИИ»

Обозначенное разграничение нашло прямое отражение и в российском праве. Так, в пункте 9 Национальной стратегии развития ИИ закреплено, что ИИ, способный решать узкоспециализированные задачи представляет собой «слабый ИИ». В то же время ИИ, который будет способен, «подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям» поименован в Стратегии как «универсальный (сильный) ИИ» (пункт 9). Примечательно, что в подпункте (х) пункта 5 Националь-

ной стратегии развития ИИ в новой редакции (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124) «сильный ИИ» раскрывается несколько по-иному: «тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям».

В юридической литературе также предпринимались попытки выявить сущностные различия между «слабым ИИ», который иногда называют «узким ИИ» (англ. weak, narrow Artificial Intelligence), и «сильным ИИ», который именуют также и как «общий ИИ» (англ. strong, general Artificial Intelligence). В частности, В. Б. Наумов и Е. В. Тютюк в своей работе подчеркивают следующее: «Слабый искусственный интеллект — это различные механизмы и математические алгоритмы, способные выполнять ограниченный перечень задач, не имитируя мыслительный процесс человека. «Сильный»... — это механизм, процесс работы которого полностью имитирует процесс работы человеческого мозга. Создание сильного искусственного интеллекта на данный момент невозможно, поскольку пока у человечества нет полноценного понимания того, как устроен человеческий мозг и как он работает» [12].

В развитие изложенного важно заметить, что в подпункте (а) пункта 5 Национальной стратегии развития ИИ содержится определение ИИ, устанавливающее, что ИИ представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124).

Аналогичное определение закреплено в статье 2 Закона о проведении эксперимента для внедрения ИИ: «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая

самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Семантический анализ процитированных легальных дефиниций данного понятия ИИ позволяет утверждать, что обе эти дефиниции предназначены скорее для термина «сильный ИИ». В них соотносятся способности ИИ и человека, причем предполагается возможным для ИИ осуществлять мыслительную деятельность, свойственную человеку, — «поиск решений без заранее заданного алгоритма».

Надо заметить, что больший регуляторный интерес именно к «сильному ИИ» и ранее был характерен, причем не только для российского права. Например, в законопроекте Джона С. Маккейна «National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019» указывалось, что понятие ИИ включает в себя следующие определения:

«— любая искусственная система, которая выполняет задачи при различных и непредсказуемых обстоятельствах без значительного надзора со стороны человека, или которая может научиться на опыте и улучшить эффективность за счет анализа данных;

— искусственная система, разработанная в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или другом контексте, которая решает задачи, требующие восприятия, познания, планирования, обучения, общения или физических действий свойственных человеку;

— искусственная система, призванная мыслить или действовать как человек, включая когнитивные архитектуры и нейронные сети.

— набор методов, в том числе и машинное обучение, разработанный для приближения к познавательной задаче;

— искусственная система, предназначенная для рационального действия, в частности интеллектуальный программ-

ный агент или воплощенный робот, который достигает целей, используя восприятие, планирование, рассуждения, обучение, общение, принятие решений и действие» [30].

Тенденция при определении исследуемого понятия опираться на сравнение человека с роботом, на способность к мышлению (сегодня не достижимую для ИИ), прослеживается в большинстве доктринальных дефиниций исследуемого понятия. Применительно к последним Г. Г. Камалова и В. Б. Наумов отмечают: «со времени введения в научный оборот и по сегодняшний день определение базового понятия «искусственный интеллект» строится на дихотомии понятий «естественный интеллект» («интеллект») / «искусственный интеллект» [12].

Подобная направленность сохраняется и сегодня — в условиях выработки серьезно различающихся концептуальных подходов к интерпретации ИИ. Например, Павлов С. Н. считает, что для целей права важны не собственно внутренние процессы работы ИИ, а их внешнее выражение и соответствие результатов деятельности функциональности мозга человека (концепция «черного ящика») [14]. В. А. Лаптев, пишет о том, что определяющим отличием ИИ от обычного робота является мышление, причем мышление субъекта (оператора) [7]. А, например, С. М. Акбаров предлагает определять ИИ как «совокупность методов, способов, технологий и средств, в том числе, аппаратных, и компьютерных программ, реализующих одну, несколько или все когнитивные функции, эквивалентные когнитивным функциям человека» [1]. Весьма примечательно толкование ИИ, предложенное Л. С. Болотовой, которая определяет его как «совокупность метапроцедур — представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, логического вывода, пополнения знаний, их корректировки и т. д. — то есть процедур, имитирующих мыслительную деятельность человека» [5], при том, что для понятия «система ИИ» она предлагает другое определение: «аппаратный и информационно-программный комплекс, действие которого аналогично действию механизмов мышления человека и неотлично от решений, которые принимались бы человеком-экспертом, то есть профессионалом в данной предметной области» [5. С. 86].

Многообразие подходов к определению ИИ, тем не менее, ничуть не колеблет выдвигаемый в философии тезис о серьезных отличиях в понимании «сильного искусственного интеллекта как искусственной системы, обретающей способность мыслить и осознавать себя, и слабого искусственного интеллекта, который такой возможностью не обладает» [11. С. 86]. Это дает все основания поддерживать заключение, согласно которому «сильный и слабый искусственный интеллект должны получить различающиеся правовые дефиниции и режимы» [11. С. 86].

Определение термина «слабого ИИ»

Признавая, что формирование понятийного аппарата есть одна из важнейших задач для правового регулирования всякой новой сферы (что, разумеется, распространяется и на сферу применения ИИ), надо согласиться с тем, что в условиях обширного внедрения практически во все области жизнеобеспечения именно «слабого ИИ», который нет серьезных причин сопоставлять с возможностями человека, необходимо четкое определение его сущности и введения соответствующего определения в действующее законодательство. Иными словами, налицо потребность в выработке легальной дефиниции понятия «слабого ИИ», который, как указывалось, уже сегодня ощутимо востребован и находит крупномасштабное применение на практике в отличие от «сильного ИИ», появление которого только ожидается в будущем. Конструирование легального определения требуется в целях разработки эффективного правового регулирования сферы отношений, связанных с использованием технологий ИИ, и формирования правильного и единообразного правоприменения в обозначенной предметной области.

В связи со сказанным обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в Национальной стратегии развития ИИ, и в Законе о проведении эксперимента для внедрения ИИ в числе основных понятий названы «технологии ИИ». В Законе под ними предлагается понимать «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта)». В Стратегии содержится ана-

логичное определение, однако говорится уже не о технологиях, а об их совокупности¹.

Давая оценку регуляторной значимости подобным нормативным положениям, надо признать, что в них не раскрывается существо технологий, а, по сути, лишь перечисляются примеры практического применения ИИ. Такой подход способен только отчасти закрыть лауну отсутствия легальной дефиниции «слабого ИИ».

В свою очередь предпринимаемые в литературе попытки конструирования легального определения ИИ нацелены на создание большей определенности в этой сфере. Примером этого может выступить предложение А. В. Минбалева понимать ИИ как «совокупность технологий, интегрированных в единый механизм, подчиненный определенным целям и задачам, которые определены заказчиком и разработчиком» [8]. Или другое определение, в котором ИИ раскрывается как «технологии с возможностью выполнять задачи, которые в противном случае требуют человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи и перевод языка».

Несмотря на то, что предлагаемые дефиниции, на первый взгляд, кажутся довольно ясными, представляется неверным давать определение понятию «слабый ИИ» через понятие «технологии», «совокупность технологий», «технологическое решение». Это связано с тем, термин «технология» при кажущейся простоте и понятности является крайне многоаспектным, допускающим множество толкований и нуждающимся в раскрытии в соответствующем контексте. Причем для целей настоящего исследования особую важность приобретает тот факт, что действующее российское законодательство не предусматривает возможность правовой охраны собственно технологий в отличие от, например, программ для ЭВМ и программных комплексов, охраняемых в качестве объектов интеллектуальных прав. В связи с этим в литературе подчеркивается, что технология может получить правовую охрану в качестве объекта интел-

¹ См. пункт 5 (б) Национальной стратегии развития ИИ, предусматривающий: технологии искусственного интеллекта — совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124).

лектуальных прав «при условии, что она подпадает под одну из категорий интеллектуальной собственности и отвечает предъявляемым законом требованиям охраноспособности соответствующих объектов. То есть возможность установления правовой охраны технологии находится в прямой зависимости от существования самой технологии» [18].

В обозначенных условиях надо признать, что понятие «слабого ИИ» будет идентично понятию «технологии ИИ», что позволяет сделать вывод о том, что эти термины могут использоваться как синонимичные, взаимозаменяемые. Вследствие этого можно заключить, что нуждается в разработке дефиниция понятия «слабый ИИ (технологии ИИ)».

Вырабатывание определения понятия ИИ не позволяет игнорировать то обстоятельство, что сегодня оно разрабатывается в двух основных направлениях — как области науки¹ и как сложного программного комплекса.

Очевидно, что в целях настоящего исследования анализ должен производиться в русле второго направления, которое, как уже отмечалось, характеризуется многообразием существующих дефиниций. Это разнообразие вызвано в первую очередь тем, что исследование феномена ИИ занят целый ряд научных отраслей, причем каждая из них концентрирует внимание на важных для нее признаках и свойствах ИИ: биологи и психологи трактуют ИИ, анализируя возможности воспроизводства процессов высшей нервной системы человека, специалисты в сфере информационных технологий исследуют ИИ в контексте решения неформализованных информационных задач, философы увязывают с творческими процессами интеллектуальных систем [12]. И очень емко в этом отношении звучит замечание Райана Кало,

¹ В частности, в литературе встречаются указания на то, что ИИ — «это научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного и программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными, то есть требуют определенных умственных усилий» (Хамитов Н. В., Киселица С. В., Деркач О. Л. Проблема телесности субъекта искусственного интеллекта в контексте теории эволюции естественного и искусственного интеллекта // Проблемы социальной работы: философия, психология, социология. 2017. № 2 (10). С. 95–102). Либо ИИ раскрывают как «сферу исследований, нацеленную на понимание, проектирование и построение когнитивных систем» (Goel A., Davies J. Artificial Intelligence. The Cambridge handbook of intelligence (3rd Edition). 2011. P. 468–484).

подчеркивающего, что ИИ — «это зонтичный термин, состоящий из множества различных методик».

В качестве затрудняющего выработку эффективного определения понятия «слабого ИИ» (технологий ИИ) следует рассмотреть и то обстоятельство, что такого рода технологии являются очень динамичным явлением, которое находится в непрерывном развитии, что препятствует выявлению общего в крайне разнородных технических решениях. Этим отчасти, вероятно, объясняется и уклонение от формулирования в Национальной стратегии развития ИИ легального определения понятия «технологии ИИ», что вылилось, по сути, только в перечисление примеров применения этой технологии.

Дополнительные трудности выработки понятия ИИ связаны еще и с существованием сложностей с единообразным пониманием англоязычного «Artificial Intelligence» — выражением, которое не является однозначным и ясным, в связи с чем А. П. Новиков обоснованно подмечает, что в английском языке «слово «intelligence» означает «умение рассуждать разумно, умственные способности», а вовсе не «интеллект», для которого существует английский аналог «intellect» [13]. На это обстоятельство обращала внимание и экспертная группа по ИИ, созданная Европейской Комиссией, которая также отмечает, что основой искусственного интеллекта является не соответствие естественному интеллекту, а рациональность его действий [25].

Указанные замечания справедливы. Словосочетание «Artificial Intelligence», предложенное Дж. Маккарти еще в 1956 г. на конференции в Ганновере, не связывалось с пониманием интеллекта у человека — под «intelligence» понималась «вычислительная составляющая способности достигать целей в мире» [34], разные виды которой встречаются не только у людей, но и у животных. Сложные программные комплексы, которые сегодня принято называть ИИ, по своей сути не имеют интеллекта — в основе их работы лежат шаблоны данных и правила их обработки (алгоритмы), заданные человеком [35]. Том Эверитт справедливо отмечает, что такие системы, в отличие от человека, обычно направлены на решение лишь определенного конкретного набора задач в заданных условиях [29].

С учетом сказанного следует признать, что перевод выражения «Artificial Intelligence» на русский язык как «искус-

ственный интеллект» не является правильным — гораздо более точным было бы перевести обозначенное выражение как «искусственный разум», «искусственный мозг», что более четко отражало бы сущность исследуемого понятия. Однако, учитывая, что термин «искусственный интеллект» уже прочно вошел в российское правовое поле и используется в целом ряде нормативных правовых актов, в настоящей работе не предлагается его заменить.

Подводя промежуточные итоги следует подчеркнуть, что при определении легального понятия «слабый ИИ (технология ИИ)» для целей правоведения, целесообразно учесть изложенные выше нюансы. Это предполагает прежде всего необходимость вовсе отойти от сопоставления ИИ с человеком, акцентировав внимание на том, что для «слабого ИИ» ключевую роль имеют компьютерные программы (в терминологии Гражданского кодекса РФ — «программа для ЭВМ»; далее понятие «компьютерная программа» и «программ для ЭВМ» будут употребляться как взаимозаменяемые).

При этом надо отметить малоэффективность как чрезмерно абстрактных, отвлеченных дефиниций, так и определений, формулируя которые их авторы стремятся обозначить (перечислить) всевозможные свойства и признаки, присущие ИИ. Так, П. М. Морхат считает, что ИИ есть «полностью или частично автономная самоорганизующаяся (и самоорганизующая) компьютерно-аппаратно-программно виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе и биокиберфизическая (bio-cybernetic) система (юнит), неживая в биологическом смысле данного понятия, с соответствующим математиком обеспечением, наделена / обладающая программно-синтезированными (эмулируемый) способностями и возможностями» [10], сопровождая это понятие целым перечнем признаков. Схожая дефиниция понятия ИИ сформулирована для целей права в работе И. В. Понкина и А. И. Редькина [15], полное авторское определение которой занимает почти целую журнальную страницу.

Не акцентируя внимания на значительной громоздкости процитированного определения, нельзя не признавать, что оно ничуть не упрощает уяснение юридической сущности ИИ. Такого рода определения являются слишком широкими, неконкретными и, бесспорно,

не подходят для законодательного закрепления.

При формулировании легального определения понятия «слабый ИИ (технология ИИ)» надо исходить из того, что в основе любой такой технологии лежит компьютерная программа. Однако одна компьютерная программа не может обеспечить полноценное функционирование «слабого ИИ» — для этого необходим соответствующий набор различных компьютерных программ, который в совокупности образует программный комплекс.

В этих условиях представляется важным обратить внимание на то, что по смыслу ст. 1261 Гражданского кодекса РФ всякая компьютерная программа предназначена для выполнения конкретной функции или функций, которые ориентированы на достижение определенного результата. Отметившая это М. А. Рожкова подчеркивает, что в рамках ГОСТ 19.101-77 «Виды программ и программных документов»¹ произведено подразделение программ для ЭВМ на два вида: во-первых, компонент (под которым подразумевается компьютерная программа, рассматриваемая как единое целое, выполняющая законченную функцию и применяемая самостоятельно или в составе комплекса); и, во-вторых, комплекс (под которым предлагается понимать компьютерную программу, состоящую из двух или более компонентов и (или) комплексов, выполняющих взаимосвязанные функции, и применяемая самостоятельно или в составе другого комплекса) [16]. По мнению М. А. Рожковой, системное прочтение положений ст. 1261 Гражданского кодекса РФ и названного выше национального стандарта позволяет заключить, что «компьютерные программы образуют комплекс (т. е. программный комплекс) только при условии, что они нацелены на выполнение взаимосвязанных функций, приводящих к достижению искомого результата» [16].

Понятие «программный комплекс» в Гражданском кодексе РФ не раскрывается, для него не установлен специальный правовой режим. Вместе с тем в первом предложении ст. 1261 Гражданского кодек-

¹ Межгосударственный стандарт ГОСТ 19.101-77 «Единая система программной документации. Виды программ и программных продуктов». Введен постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 20 мая 1977 г. № 1268 (документ не действует). Заменен на ГОСТ 19.101-2024 «Единая система программной документации. Виды программ и программных документов», введен в действие 30.01.2025 г.

са РФ, определяющей понятие программы для ЭВМ, программные комплексы (наряду с операционными системами) обозначены в качестве разновидностей компьютерных программ. И хотя с технической точки зрения с таким подходом, вероятно, можно не согласиться, в правовом ключе такое толкование позволяет сделать однозначный вывод о том, что законодательные положения о программах для ЭВМ в полной мере распространяются и на программные комплексы. Причем программный комплекс по смыслу ст. 1261 Гражданского кодекса РФ признается единым объектом интеллектуальной собственности (будучи приравнен к единичной программе для ЭВМ).

Учитывая изложенное, надо признать целесообразным дать нормативное определение «слабого ИИ» через легальный термин «программный комплекс», что позволит избежать дополнительных разъяснений (такое разъяснение требуется в отношении указаний, например, на «технологическое решение», встречающееся в некоторых доктринальных определениях).

Здесь же следует заметить, что некоторые исследователи определяют ИИ, как совокупность аппаратных и программных средств, то есть рассматривают его как программно-аппаратный (или аппаратно-программный) комплекс. Такой подход во многом обоснован практическими целями и заслуживает внимания.

Программный комплекс в свой состав включает программное обеспечение (англ. software), под которым принято понимать сами компьютерные программы с программными документами, необходимыми для эксплуатации этих программ¹. В свою очередь программно-аппаратный / аппаратно-программный комплекс, как это следует из самого его наименования, включает не только программное обеспечение (software), но и аппаратные средства — электронные и механические части устройств (англ. hardware), то есть представляет собой совокупность аппаратных и программных средств, объединяемых для выполнения определенных задач. При-

¹ См., например, 4. Государственный стандарт СССР ГОСТ 19781-90 «Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения» (утв. и введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 27 августа 1990 г. N 2467) // URL: <https://base.garant.ru/5904576/> (дата обращения: 13.03.2025 г.).

мечательно, что в современных публикациях «нередко именно аппаратная составляющая рассматривается в этой совокупности как определяющая, вследствие чего понятие программно-аппаратного комплекса раскрывается как «оборудование с установленными на нем компьютерными программами» [17].

В этих условиях нельзя не признавать, что программно-аппаратный комплекс, допускающий установление в отношении него патентно-правовой охраны (при патентовании его в качестве изобретения или полезной модели), более предпочтителен для разработчиков, нежели программный комплекс, которому может быть предложена только авторско-правовая охрана (характеризуемая как более «слабая», нежели патентно-правовая, подтверждаемая патентом).

Вариантом разрешения обозначенной проблемы будет квалификация программно-аппаратного комплекса (аппаратно-программного комплекса) в качестве разновидности программного комплекса, допускающей как авторско-правовую, так и патентно-правовую охрану.

Изложенное выше позволяет акцентировать внимание на том, что программный комплекс может быть создан только при условии, что составляющие его компьютерные программы выполняют взаимосвязанные функции и нацелены на достижение определенного результата в конкретной предметной области. Это заставляет при формулировании определения понятия «слабый ИИ» учесть особенности его функционала.

Однако неверным было бы давать определение ИИ исключительно через перечень его технических возможностей, методик работы, поскольку для целей правоведения, как уже отмечалось выше, важны не внутренние процессы работы ИИ, а их внешнее выражение. Игнорирование данного обстоятельства в условиях динамичного развития технологий ИИ может привести к ситуации, когда неохваченные дефиницией технологии будут выпадать из под правового регулирования, предназначенного для «слабого ИИ».

Обратившись к исследованию признаков ИИ, можно обнаружить, что в юридической литературе им уделяется значительное внимание. Так, в одной из публикаций указывается, что к признакам ИИ могут относиться: «способность компьютерной программы автоматически находить способы достижения целей» [29] или

«способность решать сложные задачи, сохранять большие объемы информации и работать с ними; наличие собственной модели внешнего мира (эта модель обеспечивает индивидуальность, относительную самостоятельность системы в оценке ситуации, способность семантической и прагматичной интерпретации запросов к системе; способность пополнения уже имеющихся знаний; способность к дедуктивному выводу, то есть к генерации информации, которая в явном виде не содержится в системе; способность оперировать в ситуациях, связанных с различными аспектами нечеткости, применяя «понимание» естественного языка; способность к диалоговому взаимодействию с человеком; способность к адаптации» [3].

Очевидно, что включение такого множества признаков в легальное определение «слабого ИИ» было бы излишним — это в первую очередь технические признаки, которые не представляют значимости для целей права. Вместе с тем в условиях, когда во всем мире наблюдается тенденции при определении ИИ использовать собирательный термин¹, указывая определяющие черты нового явления, представляется правильным на основании проведенных исследований следующим образом определить исследуемое понятие.

«Слабый ИИ (технологии ИИ) — программный комплекс или иная совокупность компьютерных программ, которые интегрированы в соответствующую целям их создания информационную систему и направлены на решение определенного конкретного набора задач в заданных условиях, например, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, вождении беспилотного транспорта, интеллектуальную поддержку принятия решений».

В целях уточнения содержания понятия «слабый ИИ», которое следует рассматривать в качестве синонима понятия «технологии ИИ» предлагается изложить под-

¹ См. об этом, например, Соломатин Е. О. Понятие и классификация искусственного интеллекта по праву Европейского Союза и России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 224–229.

пункт (б) пункта 5 Национальной стратегии развития ИИ в предложенной выше редакции (вместо определения понятия «технологии ИИ»).

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов.

1. Заложенная в Резолюции Европейского парламента о робототехнике идея о введении нового субъекта права — «электронной личности», под которой подразумевается «сильный ИИ», не получила широкой поддержки. Вместе с тем это понятие находит применение при решении юридических вопросов в сфере применения ИИ.

2. Перевод англоязычного выражения «Artificial Intelligence» на русский язык как «искусственный интеллект» не является корректным — гораздо более точным было бы перевести его как «искусственный разум», «искусственный мозг», что более четко отражало бы сущность исследуемого понятия. Вместе с тем, учитывая, что термин «искусственный интеллект» уже прочно вошел в российское правовое поле и используется в целом ряде нормативных правовых актов, в настоящей работе не предлагается его заменить.

3. Предложено квалифицировать программно-аппаратный комплекс (равно как аппаратно-программный комплекс) в качестве разновидности программного комплекса, допускающей как авторско-правовую, так и патентно-правовую охрану.

4. В целях уточнения содержания понятия «слабый ИИ», которое следует рассматривать в качестве синонима понятия «технологии ИИ» предложено изложить подпункт (б) пункта 5 Национальной стратегии развития ИИ в следующей редакции: «Слабый искусственный интеллект (технологии искусственного интеллекта) — программный комплекс или иная совокупность компьютерных программ, которые интегрированы в соответствующую целям их создания информационную систему и направлены на решение определенного конкретного набора задач в заданных условиях, например, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, вождении беспилотного транспорта, интеллектуальную поддержку принятия решений».

Литература

1. Акбаров С. М. Искусственный интеллект как альтернатива человеческому РАЗУМУ // Сборник материалов VIII Всероссийской, научно-практической

- конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева / отв. ред. О. В. Тайлаков. М., 2016. С. 745.
2. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 167.
  3. Березовская И. П. Проблема искусственного интеллекта: что думает о себе Chat GPT? // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100. № 5. С. 14.
  4. Богустов А. А. К дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта // Право цифровой экономики — 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 165.
  5. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: Учебник. М., 2012. С. 86.
  6. Крысанова Н. В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. 2021. № 1. С. 2526.
  7. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.
  8. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2022. Т. 32, вып. 6. С. 1094–1099.
  9. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте (Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта), разработанная Исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. 2017. (авторы — Андрей Незнамов, Виктор Наумов).
  10. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 400 с.
  11. Наумов В. Б., Камалова Г. Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.
  12. Наумов В. Б., Тютюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
  13. Новиков А. П. Естественно-научные позиции в научном направлении «искусственный интеллект» // Ученые записки ИСГЗ. 2016. Т. 14. № 2–1. С. 50–56.
  14. Павлов С. Н. Системы искусственного интеллекта: учеб. пособие. В 2-х частях // С. Н. Павлов. Томск: Эль Контент, 2011. Ч. 1. 176 с.
  15. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 94–95.
  16. Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы — что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 2019. 23 ноября.
  17. Рожкова М. А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве (подробный комментарий к статье 1261 Гражданского кодекса) // Право цифровой экономики — 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 10–61
  18. Рожкова М. А., Исаева О. В. Понятие «технология» в контексте российского права // Хозяйство и право. 2021. № 3. С. 21–29.
  19. Рожкова М. А. Программные комплексы и пакет программ: характеристика юридического содержания // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. Гродно: ГрГУ, 2016. С. 272–277.
  20. Сафаргалеев Л. И. Проблемы правового регулирования робототехники // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д. ю.н. М. А. Рожкова. Москва: Статут, 2019. С. 393–414.
  21. Синицын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 330 с.
  22. Соломатин Е. О. Понятие и классификация искусственного интеллекта по праву Европейского Союза и России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 224–229.
  23. Шмарко И. Римское право для роботов // Закон.ру. 2020. 15 апреля.
  24. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 73–81.
  25. A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines: High-Level Expert Group // URL: <https://ec.europa.eu/digitalsingle-market/en/>

- news/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-andscientific-disciplines (дата обращения: 12.03.2025 г.).
26. Cuthbert Olivia. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Arabnews. 26.10.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia> (дата обращения: 12.03.2025).
27. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
28. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 13.03.2025).
29. Everitt T. Towards Safe Artificial General Intelligence: thesis ... Ph D. Australian National University, 2018. 235 p. URL: <https://www.tomeveritt.se/papers/2018-thesis.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
30. John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019, Pub. L. 115-232, § 238, 132 Stat. 1658 (2018). 788 p. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr/5515/BILLS-115hr5515enr.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
31. Larson D. Artificial Intelligence: Robots, Avatars, and the Demise of the Human Mediator. The Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2010. Vol. 25:1. P. 105–164.
32. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 179–185.
33. Marshall, W. S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. 1983. Vol. 4. № 2. Pp. 5–16. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/aimagazine/article/view/392> (дата обращения: 02.03.2025).
34. McCarthy, J. What is Artificial Intelligence? URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 06.03.2025).
35. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview. Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35, Is. 4. P. 1305–1337.

References

1. Akbarov S. M. Artificial Intelligence as an alternative to human RAZUM // Collection of materials of VIII All-Russian, scientific and practical conference of young scientists with international participation 'Young Russia'. Kuzbass State Technical University. T. F. Gorbachev / ed. by O. V. Tailakov. M., 2016. С. 745.
2. Arkhipov V. V., Naumov V. B. On some issues of theoretical foundations of the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality // Law. 2017. № 5. С. 167.
3. Berezovskaya I. P. The problem of artificial intelligence: what does Chat GPT think about itself? // Humanities and Social Sciences. 2023. Т. 100. № 5. С. 14.
4. Bogustov A. A. To the discussion on the legal personality of artificial intelligence // The Law of Digital Economy — 2022 (18): Yearbook-anthology / Ruk. and scientific ed. M. A. Rozhkova. Moscow: Statute, 2022. С. 165.
5. Bolotova L. S. Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge: Textbook. M., 2012. С. 86.
6. Krysanova N. V. To the question of legal personality and legal development of artificial intelligence // Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. 2021. № 1. С. 2526.
7. Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. № 2. 2019. С. 79–102.
8. Minbaleev A. V. The concept of 'artificial intelligence' in law // Vestnik of Udmurt University. Economics and Law. 2022. Т. 32, vol. 6. P. 1094–1099.
9. Model Convention on Robotics and Artificial Intelligence (Rules for the Creation and Use of Robots and Artificial Intelligence), developed by the Research Centre for Robotics and Artificial Intelligence Regulatory Challenges. 2017. (authors — Andrey Neznamov, Viktor Naumov).
10. Morhat P. M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil-law problems: thesis. ... doctor of juridical sciences. M., 2018. 400 с.
11. Naumov V. B., Kamalova G. G. Issues of building legal definitions in the field of artificial intelligence // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.
12. Naumov V. B., Tytyuk E. V. To the question of the legal status of the 'creativity' of artificial intelligence // Jurisprudence. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
13. Novikov A. P. Natural-scientific positions in the scientific direction 'artificial intelligence' // Scientific Notes of ISGZ. 2016. Т. 14. № 2–1. С. 50–56.
14. Pavlov S. N. Artificial intelligence systems: textbook. In 2 parts // S. N. Pavlov. Tomsk: El Content, 2011. Ч. 1. 176 с.

15. Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Legal Sciences. 2018. T. 22. № 1. С. 94–95.
16. Rozhkova M. A. Artificial intelligence and intelligent robots — what is it or who are they? // Law.ru. 2019. 23 November.
17. Rozhkova M. A. The concept of 'computer programme' (computer program) in Russian law (detailed commentary on Article 1261 of the Civil Code) // Digital Economy Law — 2022 (18): Yearbook-anthology / Ruk. and scientific ed. M. A. Rozhkova. Moscow: Statute, 2022. С. 10–61
18. Rozhkova M. A., Isaeva O. V. The concept of 'technology' in the context of Russian law // Khozyaistvo i pravo. 2021. № 3. С. 21–29.
19. Rozhkova M. A. Software complexes and software package: characteristic of the legal content // Problems of civil law and process: a collection of scientific articles / Grodno State University named after Ya. Я. Kupala. Grodno: GrSU, 2016. С. 272–277.
20. Safargaleev L. I. Problems of legal regulation of robotics // E-commerce and interrelated areas (legal regulation): a collection of articles / edited by Dr. M. A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2019. С. 393–414.
21. Sinityn S. A. Russian and foreign civil law in the conditions of robotisation and digitalisation. Experience of interdisciplinary and sectoral research: a monograph. Moscow: Infotropic Media, 2021. 330 с.
22. Solomatin E. O. The concept and classification of artificial intelligence under the law of the European Union and Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 4 (159). С. 224–229.
23. Shmarko I. Roman law for robots // Zakon.ru. 2020. 15 April.
24. Shcherbakov M. G. Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: statement of the problem // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Jurisprudence. 2019. T. 5 (71). № 3. С. 73–81.
25. A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines: High-Level Expert Group // URL: <https://ec.europa.eu/digitalsingle-market/en/news/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-andscientific-disciplines> (дата обращения: 12.03.2025 г.).
26. Cuthbert Olivia. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Arabnews. 26.10.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia> (дата обращения: 12.03.2025).
27. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
28. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 13.03.2025).
29. Everitt T. Towards Safe Artificial General Intelligence: thesis ... Ph D. Australian National University, 2018. 235 p. URL: <https://www.tomeveritt.se/papers/2018-thesis.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
30. John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019, Pub. L. 115–232, § 238, 132 Stat. 1658 (2018). 788 p. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5515/BILLS-115hr5515enr.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
31. Larson D. Artificial Intelligence: Robots, Avatars, and the Demise of the Human Mediator. The Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2010. Vol. 25:1. P. 105–164.
32. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 179–185.
33. Marshall, W. S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. 1983. Vol. 4. № 2. Pp. 5–16. URL: <https://ojs.aaai.org//index.php/aimagazine/article/view/392> (дата обращения: 02.03.2025).
34. McCarthy, J. What is Artificial Intelligence? URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 06.03.2025).
35. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview. Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35, Is. 4. P. 1305–1337.

Сведения об авторе

Самарцева Мария Викторовна — соискатель, Российская государственная академия интеллектуальной собственности. Советник, руководитель Практики интеллектуальной собственности и технологий (юридическая фирма «Дякин, Горцунян и Партнеры»), Член Комиссии по интеллектуальной собственности Международной торговой палаты (г. Самара, Российская Федерация). Электронная почта: MSamartseva@dgppartners.legal

Information about the author

Samartseva Maria Victorovna — coresearcher, Russian State Academy of Intellectual Property. Counsellor, Head of Intellectual Property and Technology Practice (Dyakin, Gortsunyan & Partners), Member of the Intellectual Property Commission of the International Chamber of Commerce (Samara, Russian Federation). E-mail: MSamartseva@dg-partners.legal

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 04.06.2025

Дата рецензирования / Received: 06.06.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 06.06.2025

